

Вступление

Как только я подумала, что история Новикова заслуживает не только статьи в журнале, но и публикации сопутствующих записей, я сразу догадалась, каким вопросом задастся читатель. Все тем же, с которым обратился ко мне знакомый журналист в начале этого пути: «А почему, собственно, мы должны интересоваться таким древним, незначительным, да еще и больным человеком? Зачем тратить столько сил на знакомство с его историей?»

На самом деле Бориса Новикова как такового вы не узнаете, не увидите и не поймете до конца, потому что как бы я ни старалась, но соприкоснуться с его жизнью удалось лишь едва. Однако его присутствие можно заметить на каждой странице моего дневника, ведь Новиков повлиял на всех героев нижеизложенной истории, а их, как вы узнаете совсем скоро, оказалось немало. И не только на героев, но и на людей, прочитавших статью, и, будем надеяться, даже на тех, кто не побрезгует романом.

От себя про характер Новикова добавлю немного: он был поразительным человеком, вернее, чудачком. Читатель, конечно, скажет (и будет прав), что в России вообще преобладает такой тип людей, оттого подобным качеством удивить будет сложно, но, спешу отметить, не

в нашем случае. Новиков Борис Романович как раз тем и примечателен, что в отличие от многих чудаков, запоминающихся своими проделками, исчез, не набедокурился ни знатно, ни поверхностно, ни самую малость. Пропал в одночасье, неизвестно как и неизвестно куда.

Новиков был женат в молодости, и от брака у него осталась дочь, с которой он вел переписку. Она-то единственная и заметила, что отец пропал. Ну как заметила — не получила в положенное время письма, и второго, и третьего. Сначала озадачилась, затем возмутилась и уже после забила тревогу. Однажды, уже спустя несколько месяцев после исчезновения Бориса Романовича, мне «посчастливилось» с ней пообщаться, и то ли в тот день дочь оказалась не в настроении, то ли тема ей надоела, но она отзывалась об отце весьма холодно. Но, пожалуй, отношения Новиковых мы оставим, потому что дочь на нашу историю никак не повлияет, хотя и будет упоминаться в романе. О ней я рассказала лишь затем, чтобы читатель понимал: до больницы, из которой пропал Борис Романович, у него была жизнь.

Хочу еще добавить — точнее, прошу обратить внимание, — что ниже представленное произведение я писала в непривычной для себя манере. Впервые позволив себе большую форму, я попыталась выразиться художественно, при этом стремясь сохранить излюбленные приемы языка, поэтому не слишком удивляйтесь, когда увидите неумелые метафоры или закоряченные обороты. Заранее приношу извинения и скромно надеюсь, что редактор сможет привести рукопись в годный для читателя вид.

Однако уже хватит расшаркиваться и откладывать наше путешествие.

Давайте знакомиться. Я — Александра Грачева, и, как оказалось, быть журналисткой не главный мой талант.

Это о тебе

Часть 1

Завеса в светлице

До дневника

Во снах я видела прошлое незнакомых людей, но это единственное сверхъестественное, которое я допускала. Иначе любое зло можно было бы оправдать, а его истреблять нужно!

Я уже подошла к прокуратуре, когда в кармане завибрировал телефон.

— Ты где? — из трубки раздался голос редактора.

— Помнишь дело об убийстве подростка? Есть шанс попасть к прокурору, который оправдательный приговор написал.

— Ты что, шутишь?! Ты на вегетарианских кормах должна сейчас быть.

— Просто одна знакомая сегодня может помочь...

— Не хочю ничего слышать. Поезжай на корма! Тебя ждут!

Редактор бросила трубку.

Потоптавшись на месте, я все же шагнула к прокуратуре, но мир вдруг всколыхнулся: очертания города размылись, шум транспорта и гомон прохожих сникли, отпрянули на задний план. Воздух затрепетал и не проник,

а тяжело упал внутрь меня. Вокруг раздались странные звуки: шорохи, птичьи голоса, шепоты.

Птичье пение усилилось, из ниоткуда появившиеся перья укрыли меня, и я превратилась в птицу.

— Танцуй! — грянули голоса из настоящего мира, заставившие меня очнуться.

Это взвизгнули двое мальчишек, которые, даже убегая, умудрялись снимать меня на телефон. Оказалось, они с ног до головы облили меня коричневой жижой и обсыпали перьями.

— Вы совсем уже?! — вырвалось у меня.

Что со мной сейчас было?

Ощущение очередного страшного сна овладело мною совершенно, хотелось бежать отсюда, но я старалась не поддаваться фантазиям.

Приходя в себя, я попыталась стряхнуть налипшие на лицо перья. Вздуродраженные прохожие смеялись и перешептывались: «Пранкеры».

— Чтоб вас всех, — прошипела я и, больше не медля, втиснулась в двери прокуратуры.

Передо мной возник грузный охранник:

— Вы куда?

— К прокурору Иванову, — сказала я, озираясь.

— К нему нельзя! — Охранник распрямился.

— Я журналист. Подождите, мне только нужно позвонить зна...

— К нему сегодня все равно нельзя будет! Тем более в таком виде.

Я было дернулась вперед, но охранник предостерегающе выставил руку.

Ощутив удушающую хватку дыма, я проснулся. Горячий воздух тяжелел, облеплял лицо. Даже ночь спряталась под серой пеленой смога. Я сразу понял, что происходит. Ринулся с лежанки к дверям церкви.

Стены были в огне, с них смотрели красные глаза образов. Я снял засов, но все равно не смог открыть дверь. Тогда страх охватил меня со всей полнотой, и я стал кричать, молить о помощи. Дым слепил, я встал на колени, прикрыл нос и рот рукавом. Еще раз толкнул дверь плечом — безуспешно. Пополз к окну. Балка с потолка упала прямо передо мной.

Истинный христианин не сгорит, сохрани, Господи!

Огонь не жалел ничего: ни икон, ни алтарь, ни купол. Раскаленный воздух будто раскачивал закопченные стены. Нужно было добраться до окна, поднять ставни, вскарабкаться на лавку, как-то подтянуться. Но в мире, кроме огня, больше ничего не существовало. Я осознал это, когда одежда вздулась за спиной. Упал, катался по полу, но огонь разрастался сильнее. Я бил себя по телу и голове, но волосы уже сгорели. Выл от ужаса, бессилия, боли — мучительной, страшной, беспросветной, от которой нельзя отгородиться, и ты приговорен ощутить ее сполна. Надежды забыться или потерять сознание не было. Я молил о смерти, а не о спасении.

Наконец моя голова свесилась на грудь, а тело съежилось до размера подушки.

Запах паленой кожи поднимался до образов, которые так до конца и не сгорели.

За стенами церкви раздалось урчание грузовичка.

— Грачева, ты что, заснула?! — крикнула редактор. —
Зайди ко мне в кабинет.

Я протерла глаза, все еще ощущая жгучую боль. Я так напрактиковалась в игре со снами, что могла уловить их привкус, даже когда просыпалась.

— Грачева!

Я медленно побрела на голос.

В кабинете было душно, но я все равно закрыла дверь и замерла в ожидании.

— Где статья про корма? — глядя в монитор, спросила редактор.

Я на секунду замешкалась.

— Когда я приехала, интервьюируемых уже не было.

— На сколько ты опоздала?

— На два часа.

— На два часа?! — Редактор откинула клавиатуру, но уже через мгновение, взяв себя в руки, проговорила: — Саша, ты уже... Сколько ты в журналистике?

— Больше шести лет.

— Вот! А ведешь себя как студентка. Ты осознаешь последствия своих поступков?

Я промолчала.

— Ты подвела не только себя, ты подвела всю нашу команду!

— Знаю, но я была уверена, что смогу поговорить с судьей. Это важно! Он ведь не просто так оправдательный приговор вынес?

— Ты себя слышишь?! При чем здесь судья?! Не это было твоей задачей! Ты свою работу завалила.

— Просто хотелось написать что-то значимое. — Я брякнулась на стул.

— Не мне тебе объяснять, что ты сама делаешь тему большой или маленькой. — Она придвинула к себе клавиатуру. — Если честно, то я уже не знаю, как с тобой разговаривать...

— Не увольняй меня, — перебила я.

Прежде чем ответить, она бросила взгляд на стопку документов.

— Ладно, так и быть. Дам тебе последний шанс. Но он последний! Пожалуйста, заверши дело нормально. Ты слышишь?! Без косяков!

Редактор бросила мне на колени папку с надписью: «Новиков. Не Питер. Пусть едет Грачева».

Запись 1 Большая Каңдала

Возле ворот дома, где, предполагалось, я буду жить, меня встречала целая делегация. Это настораживало: слишком часто за радушием люди что-то скрывают. Местные жители выстроились в ряд, чтобы поприветствовать нового жителя деревни.